

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Кочеров О.С. — Вечное возрождение дракона: ловушка дискурсивной силы и деколониальная критика теории международных отношений // Мировая политика. – 2023. – № 4. – С. 1 - 20. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.4.69205 EDN: WWGCHI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69205

Вечное возрождение дракона: ловушка дискурсивной силы и деколониальная критика теории международных отношений

Кочеров Олег Сергеевич

кандидат политических наук

научный сотрудник, сектор восточных философий, Институт Философии Российской Академии Наук;
доцент, факультет политологии, Государственный академический университет гуманитарных наук

603064, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр. Ленина, 70, кв. 40

✉ netherdead@yandex.ru

[Статья из рубрики "Концепции политического устройства мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.4.69205

EDN:

WWGCHI

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2023

Дата публикации:

05-12-2023

Аннотация: Статья посвящена исследованию дискурсивной силы и смежных концептов (институциональной силы, нормативной силы, эпистемической силы) как важной части внешнеполитической стратегии современной КНР. Особое внимание уделяется академическому измерению дискурсивной силы, проявляющемуся в формировании китайской теории международных отношений как способа конструирования современной китайской идентичности и инструмента критики западной концептуализации глобальных процессов и роли Китая в них. В связи с тем, что вестфальская идентичность несёт для Пекина определённые риски (противоречие экономической открытости Китая, потенциальная утрата уникальной китайской идентичности, исполнение самосбывающегося пророчества о конфликте КНР и США), Чжуннаньхай активно

пытается осмыслить свою идентичность через развитие эпистемической силы, одним из проявлений которой является возникновение китайской школы международных отношений. При этом основными двумя стратегиями Китая при взаимодействии с западной теорией международных отношений становятся (1) повышение её инклюзивности через включение в неё китайских концепций и методов исследования и (2) создание альтернатив западной теории международных отношений. На более фундаментальном уровне теоретизации незападных международных отношений первая стратегия в целом соотносится с проектом «глобальных международных отношений», а вторая с деколониальным/постколониальным подходом к международным отношениям.

При помощи деколониальной герменевтики рассматриваются основные недостатки «глобальных международных отношений» и лежащей в их основе эпистемической культуры, а также вскрываются проблемы, возникающие при накоплении Китаем дискурсивной силы. На основе анализа можно сделать вывод о трёх потенциальных стратегиях КНР: вестфальская дискурсивность, вестфальская дискурсивность с китайской спецификой и критическая дискурсивность. При этом первые две стратегии чреваты попаданием КНР в ловушку дискурсивной силы: пытаясь противостоять западной дискурсивной агрессии через накопление дискурсивной силы, Пекин начинает интернализировать присущие западной политической модели властные структуры и нарративы или романтизировать альтернативные им системы воспроизводства власти имперского Китая, чем подкрепляет существующие в отношении его опасения и в итоге занимает менее выгодную стратегическую позицию. Для выхода из этой ловушки в статье предлагается ряд путей (развитие сотрудничества со странами глобального Юга, взаимодействие с их эпистемическими культурами, критическое переосмысление современных китайских концепций международных отношений).

Ключевые слова:

дискурсивная сила, эпистемическая сила, деколониальная теория, незападная ТМО, колониальный дом ТМО, дихотомия идентичности, китайская ТМО, глобальные международные отношения, ловушка дискурсивной силы, внешнеполитическая стратегия

Уверю вас, единственный способ избавиться от драконов — это иметь своего собственного.

Е. Шварц. «Дракон»

Перо сильнее меча: дискурсивная сила как важный компонент внешнеполитической стратегии КНР

Одна из объективных тенденций международных отношений на современном этапе – повышение удельного веса незападных акторов как в региональной, так и в глобальной политике. При этом рост могущества таких стран проявляется не только в политических, экономических и военных аспектах (которые, безусловно, остаются крайне важными факторами международной динамики), но и в других отношениях – прежде всего в попытках реализовать себя на институциональном, нормативном и дискурсивном уровнях, во многом представляющих собой фундамент современной мирополитической архитектуры.

Многие современные международные институты не отвечают запросам и интересам стран глобального Юга. К примеру, такие столпы международной финансовой системы, как группа Всемирного банка или Азиатский банк развития, фактически являются

проводниками интересов западных стран и их незападных партнёров в связи с довольно консервативной политикой распределения квот, из-за которой, несмотря на все попытки незападных стран добиться большей репрезентации и инклюзивности, направление работы этих организаций и условия предоставления ими кредитов продолжают определяться крупнейшими дольщиками (прежде всего США и Японией). В связи с этим незападные акторы начали выстраивать альтернативную международную финансовую архитектуру. Яркими примерами таких институций являются китайский Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития, созданный под патронажем БРИКС.

В то же время дискуссионным остаётся вопрос о том, насколько такие институции действительно отражают интересы всего «глобального Юга», а не только его наиболее развитых представителей. Так, Китай часто обвиняют в том, что он выстраивает свою стратегию кредитования таким образом, чтобы ввергнуть менее развитые страны в долговую ловушку и затем эксплуатировать их зависимость от Пекина. КНР отвергает все подобные обвинения, но проблема заключается в том, что эту критику озвучивают далеко не только западные страны [\[26, 32\]](#).

Не меньший интерес для незападных стран представляет и нормативный уровень. Многие страны глобального Юга согласны далеко не со всеми теми нормами, которые, по мнению США и их партнёров, должны регулировать политические процессы в международных отношениях. В то же время это, вопреки общераспространённому мнению, не означает, что незападные страны выступают против «порядка, основанного на правилах» [\[1\]](#) - в действительности они просто хотят обладать большим весом в вопросах определения того, какими должны быть правила глобального взаимодействия.

Прежде всего нормативная сила означает переосмысление уже существующих практик. В частности, современное китайское руководство крайне негативно относится к концепту гуманитарной интервенции в связи с тем, что США во многом дискредитировали эту практику своими вторжениями. Тем не менее, в прошлом КНР демонстрировала поддержку ряду операций, которые осуществлялись по решению Совета Безопасности ООН [\[37, с. 207\]](#). Кроме того, учитывая, что Китай уже давно выступает за реформирование Совбеза [\[46\]](#) через включение в него новых участников и повышение в нём роли регионов, вполне вероятно, что Пекин может выступить и за такую норму, которая допускала бы гуманитарную интервенцию против какой-либо из стран региона в том случае, если другие страны региона выступают за проведение такой операции.

Нормативная сила выражает и стремление незападных стран в большей степени отразить в глобальной повестке свои ценности. Яркий пример артикуляции норм в этом контексте – Бангкокская декларация по правам человека 1993 г., в которой страны-подписанты с одной стороны выразили поддержку концепции прав человека, а с другой стороны подчеркнули незыблемость принципов национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела, а также необходимость учёта влияния региональных культурных контекстов на сущность прав человека в конкретных странах.

Наконец, ещё более важной, чем возможность влиять на политику международных институций и играть роль в артикуляции международных норм, является возможность влиять на глобальный дискурс – дискурсивная сила [\[2\]](#). В самом общем виде под ней имеется в виду способность политического актора задавать глобальную повестку, распространять выгодную для себя интерпретацию различных социально-политических процессов в качестве мейнстримного нарратива. Ярким примером тут может служить

международная дискуссия относительно китайской политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Западные страны критикуют деятельность КНР и обвиняют её в грубом систематическом нарушении прав человека. Официальная позиция Пекина же заключается в том, что синьцзянские трудовые лагеря предназначены для идеологического перевоспитания радикальных элементов (потенциальных террористов и сепаратистов). В 2021 г. на заседании Совета по правам человека ООН 69 стран заявили о своей поддержке деятельности КНР в Синьцзяне [\[31\]](#). На 2023 г., согласно заявлению официального представителя МИД КНР Мао Нин, уже почти 100 стран публично выступили за то, что синьцзянский вопрос является внутренним делом КНР [\[38\]](#). При этом стоит отметить, что многие из поддержавших КНР стран – небольшие государства, во многом зависящие от китайской финансовой и экономической помощи. В то же время более развитые экономики могут поддерживать Китай как из-за нежелания терять выгодного экономического партнёра, так и из-за принципа обоюдного невмешательства во внутренние дела друг друга: если они поддержат китайский нарратив о Синьцзяне, то и КНР в дальнейшем будет закрывать глаза на практики ближневосточных режимов (при этом, однако, неофициальные оценки политики Пекина в арабских странах весьма смешанные [\[40, с. 127-131\]](#)).

В связи с этим неудивительно, что в последние годы дискурсивная сила становится одним из важнейших компонентов китайской внешнеполитической стратегии. Как отмечает И.Е. Денисов, в современном китайском политическом пространстве довольно широко распространена идея о том, что «тот, кто владеет дискурсивной силой, тот и имеет "право организовывать" мировой порядок, тот и обладает ключевой властью» [\[6, с. 44\]](#). Эксперты отмечают различные области, в которых Пекин пытается применять дискурсивную силу: продвижение китайского проекта «Один пояс, один путь» [\[1\]](#), цифровизация [\[9\]](#) и многие иные сферы.

В то же время у дискурсивной силы есть ещё одно измерение, которое можно назвать эпистемической силой. Она связана с контролем не столько над глобальной повесткой и её интерпретацией, сколько над самим производством знания: тем, какие способы получения и верификации знания считаются легитимными, при помощи каких структур и практик знание производится, какие производители знания считаются наиболее авторитетными. Особую роль этот вид дискурсивной власти играет прежде всего в дискуссиях о статусе и сущности общественных наук – в том числе и современной теории международных отношений (ТМО) и прочих смежных академических дисциплин. В связи с этим целесообразно рассмотреть дискурсивную силу в контексте поиска Китаем своей политической идентичности и отражения этих поисков в теоретических построениях китайской школы МО.

Дискурсивная сила и вестфальская идентичность

Многие специалисты-международники уже давно обратили внимание на то, что современные политические дисциплины представляют собой теоретизацию опыта исключительно западных стран, который в ходе колонизации стал по умолчанию считаться общечеловеческим опытом. В связи с этим незападные страны должны были отказаться от своих традиционных способов концептуализации политического пространства и перенять западные политические категории и нарративы. Всё это привело по меньшей мере к трём фундаментальным изменениям в западных политических картинах мира:

1 . В онтологическом плане глобальное политическое пространство стало

концептуализироваться как вестфальская множественность национальных государств. Политический порядок в таком пространстве возникает в результате либо распределения сил между наиболее могущественными игроками, либо достижения договорённостей о «правилах игры» (вполне возможно и сочетание этих вариантов). Хотя некоторые государства и могут пытаться преодолеть анархию международных отношений через кооперацию и объединение в более крупные политические конфигурации (например, ЕС), в настоящее время не существует глобальной наднациональной институции, которая могла бы полноценно контролировать мирополитические процессы, что во многом объясняется нежеланием национальных государств жертвовать своим суверенитетом.

2 . В этическом плане мейнстримная западная теория международных отношений предлагает на выбор либо реалистскую «этику» (разведение политических и нравственных вопросов, борьба за выживание и повышение могущества как важнейшая тенденция международных отношений), либо либеральную этику (мирное сосуществование зависимых друг от друга капиталистических либеральных демократий)

3 . В плане логики действия акторов международных отношений обычно концептуализируются в терминах рационального участия в играх с нулевой суммой. Считается, что государства всегда исходят исключительно из своих интересов, стремятся максимизировать свою выгоду и выбирают для этого наиболее рациональные средства. Хотя либеральная логика рисует несколько иную картину мира, где взаимодействие приносит гораздо больше выгод (как индивидуальных, так и коллективных), чем противостояние, она точно так же абсолютизирует экономический интерес и индивидуальную игровую рациональность.

Конечно, западная теория международных отношений не должна редуцироваться только к противостоянию реализма и либерализма. К примеру, английская школа международных отношений концептуализирует глобальное пространство в терминах «общества государств», что, по оценке ряда специалистов [\[41, с. 2\]](#), гораздо ближе к традиционному китайскому представлению о глобальном порядке. Тем не менее, во многом такие теории продолжают оставаться на периферии западной политической науки.

Не стоит также считать, что незападный политический опыт и пути его концептуализации во всём радикально отличались от западных практик. Безусловно, в различных незападных культурах можно найти схожие с западными мотивы политической философии, стратегии и элементы политического воображения (достаточно упомянуть философию китайского легизма, которая имеет много общего с западным политическим реализмом). В то же время даже в таких случаях не стоит ставить знак равенства между интеллектуальными течениями в других традициях, поскольку зачастую при более тщательном рассмотрении между ними проявляются крайне важные различия.

Очевидно, что незападные страны во многом приняли правила «вестфальской игры», модернизировались по западному образцу и преобразовались в национальные государства. В то же время дискуссионным остаётся вопрос о том, в какой мере они действительно интернализовали эти политические нормы и концептуальные схемы. Так, многие исследователи отмечают, что Китай в целом является защитником классической версии Вестфальской системы, в то время как США зачастую отходят от неё, пытаясь изменить правила игры в свою пользу [\[44\]](#). Однако у этого тезиса есть ряд проблем.

Во-первых, на современном этапе вестфальская государствоцентристская онтология международных отношений сталкивается с довольно серьёзными вызовами. С одной

стороны, глобализация привела к увеличению трансграничных финансовых и инвестиционных потоков, возникновению глобальных цепочек поставок, расширению влияния ТНК. Наряду с этим благодаря информационным технологиям люди по всему миру всё активнее ощущают себя частью глобального пространства, становятся участниками разнообразных международных организаций и неформальных сообществ, что приводит к интенсификации трансграничных перемещений «туристов и террористов». Всё это приводит к тому, что границы становятся всё более прозрачными. В связи с этим Китай как активный участник и один из главных бенефициаров таких процессов вынужден балансировать между принципом незыблемости суверенитета, который подразумевает значительный политический контроль над суверенной территорией и минимизацию внешнего влияния на неё, и принципом открытости, который приносит Пекину значительные дивиденды, но вместе с тем расширяет и иностранное присутствие в КНР.

Кроме того, помимо экономических процессов китайское руководство вовлечено и в некоторые политические практики, которые также во многом размывают концепцию вестфальского суверенитета. Прежде всего речь идёт о принципе «одна страна, две системы», который предоставляет жителям китайских специальных административных районов значительную автономию (в том числе и право на членство в международных организациях в качестве самостоятельных единиц). Сюда же можно отнести и знаменитый принцип Дэн Сяопина, нацеленный на разрешение споров в Южно-Китайском море – «отложить разногласия и совместно осваивать» (*гэчжи чжэньи гунтун кайфа* 搁置争议共同开发) – в соответствии с которым стороны замораживают дискуссии о разграничении исключительных экономических зон и занимаются взаимовыгодным сотрудничеством.

С другой стороны, государствоцентристская онтология сталкивается и с вызовом со стороны разнообразных сецессионистских движений, которые апеллируют к праву на самоопределение. В рамках западной ТМО довольно сложно разработать механизмы для мирного разрешения подобных вопросов, из-за чего в современном мире существует множество неразрешённых и регулярно вспыхивающих вновь территориальных конфликтов.

Во-вторых, западная ТМО (как и предшествующая ей политико-философская традиция) использовалась для порабощения незападных стран, что отразилось на её основных политических категориях и нарративах. Выступая в поддержку вестфальской идентичности, западные страны во многом легитимируют ту «колониальную матрицу власти» [\[36\]](#), которая привела к их угнетению. Конечно, Вестфальская система ставила во главу угла суверенитет, что в идеале должно было бы привести и к уважению территориальной целостности незападных стран и сообществ. Проблема, однако, заключалась в том, что хоть все суверенитеты и равны, далеко не все обладают суверенностью: в рамках колониальной экспансии понятие суверенитета стало фактически применяться только по отношению к западным державам, в то время как незападным культурам отказывали в суверенитете прежде всего из-за их расовой принадлежности [\[25\]](#). Таким образом, хотя понятие национального суверенитета само по себе не является империалистским, его длительное использование в дискриминационных практиках во многом дискредитировало эту концепцию.

Несмотря на то, что при зарождении ТМО одной из важнейших целей была максимальная интернационализация дисциплины, неотрефлексированные империалистские, европоцентристские основания ТМО значительно помешали реализации этой задачи [\[33\]](#).

По мнению американского исследователя Д. Хобсона, несмотря на то что современные международники во многом отрешаются от проблематичного политического дискурса начальных этапов становления ТМО, дисциплина до сих пор продолжает исходить из весьма расистских основополагающих допущений [\[29\]](#). Таким образом, принятие Китаем вестфальской логики в определённом смысле означает победу западной идентичности, воцарение западной культурной (теоретической, эпистемической) гегемонии.

Третья проблема с вестфальской картиной мира заключается в том, что артикулированные в её рамках принципы баланса сил и приоритета национальных интересов выливаются в довольно антагонистическую международную политику. Это привело к тому, что незападные страны сначала были насильственно включены в западную систему международных отношений, а после их становления в качестве независимых национальных государств концептуализированы как угрозы влиянию традиционных держав (прежде всего США). В связи с этим в последние пару десятилетий огромную популярность получил нарратив о неизбежном столкновении США и КНР. «Предсказание» этого столкновения во многом заложено в теории передачи власти А. Органского и «ловушке Фукидида» А. Грэхема [\[5\]](#). Несмотря на то, что достоверность этих прогнозов ставится под сомнение многими критикам, проблема заключается в том, что повышенное внимание к подобным нарративам сильно влияет на политический курс основных акторов международных отношений, из-за чего эти концепции вполне могут стать самосбывающимися пророчествами [\[28, с. 143-154\]](#). Китайское руководство на постоянной основе заявляет о том, что конфликт между США и КНР не является неизбежным [\[3\]](#), и неоднократно интерпретировало китайский внешнеполитический курс как «мирное развитие» [\[13\]](#). Тем не менее, нарратив о грядущем противостоянии КНР и США остаётся крайне популярным, и это подтверждает тезис о том, что китайской дискурсивной силе во всех её проявлениях будет весьма сложно реализоваться в мире, где социальное знание производится и воспроизводится во многом по западным образцам, где западная политическая наука считается наиболее авторитетной, а западное академическое сообщество обладает привилегированным доступом к ведущим научным журналам и исследовательским ресурсам.

Таким образом, хотя приверженность КНР вестфальской идентичности во многом помогает КНР защищать свои национальные интересы и одновременно с тем эксплуатировать ошибочные действия и заявления западных стран, она несёт и риски для Пекина. В связи с этим неудивительно, что одним из проявлений китайской дискурсивной и эпистемической силы становится академическая дискурсивная сила (*сюэшу хуаюй цюань* 学术话语权). Прежде всего под этим понимают популяризацию китайского языка как *lingua franca* международного академического общения, а также разработку и продвижение оригинальных китайских концепций, теорий и методов исследования [\[2\]](#). В контексте ТМО академическая дискурсивная сила означает создание китайской школы международных отношений.

Китайская теория международных отношений как проявление дискурсивной силы

Одним из важнейших мотивов китайской ТМО становится обращение к классическому китайскому философскому наследию как источнику уникальной китайской идентичности. При этом можно говорить о двух стратегиях такого обращения.

Первая стратегия заключается в поиске в китайской интеллектуальной традиции таких элементов, которые могли бы обогатить западную ТМО в концептуальном или инструментальном плане. Ярким представителем этого подхода является Янь Сюэтуан –

политолог, настолько тонко понимающий логику развития современной КНР, что, по мнению М.Ю. Коростикова, его работы «в период правления Си Цзиньпина будут и дальше приоткрывать завесу над хитросплетениями китайской внешней политики и предвосхищать действия руководства страны» [11, с. 123]. Янь проводит анализ подходов классических китайских философов при помощи инструментария западной политической науки и на основе полученных результатов выстраивает новую теоретическую разновидность западного политического реализма – моральный реализм (*даои сяньшичжуи* 道义现实主义). Согласно этой теории, лидерство в мирополитической конфигурации зависит от ряда факторов, из которых одним из важнейших следует считать нравственные качества политических лидеров. Под нравственностью здесь имеется в виду не попытка представить ценности определённой культуры в качестве универсальных, а соответствие тем нравственным принципам, которые разделяет большинство акторов (т.е. правилам, на которых основан порядок). Чем в большей степени лидер соблюдает эти правила и подтверждает свою приверженность им на практике, тем более легитимным он представляется другим акторам и тем больше у них оснований поддерживать существующий политический порядок [12]. В то же время на современном этапе ни США, ни Китай не могут претендовать на лидерство (в частности, из-за неоднородности идеологий этих стран), из-за чего мировой порядок эволюционирует в сторону биполярной системы. Это, впрочем, не означает неизбежность конфликта – в противовес «ловушке Фукидида» Янь Сюэтуン приводит пример соперничества древнекитайских царств Цзинь и Чу, который доказывает, что биполярная конфигурация может быть стабильной и в целом мирной [14].

Другая стратегия заключается в попытках выйти за концептуальные рамки западной ТМО и разработать альтернативу ей на основе китайской интеллектуальной традиции. Один из важнейших представителей такого подхода – Чжао Тинъян, который реинтерпретирует в своих работах [47] традиционную китайскую геополитическую модель Тянься. По мнению исследователя, эта модель является гораздо более привлекательной для остального мира и более инклюзивной, чем современная западная модель международных отношений, в связи с чем необходимо выстраивать все международные интеракции на основе четырёх её принципов:

1. Интернализация мира, т.е. необходимость осмыслить политическое пространство не как совокупность национальных государств, а как максимально инклюзивный космополитический континуум, в котором есть место для всех культур и политических систем;
2. Реляционная рациональность, которая должна дополнить индивидуалистическую рациональность и тем самым сместить фокус с реализации личных интересов на достижение гармонии между личным и общим;
3. Конфуцианское улучшение, являющееся развитием концепции эффективности В. Парето. Согласно Чжао, в соответствии с конфуцианской максимой «если ты сам хочешь твердо стоять на ногах, то сделай, чтобы и другой крепко стоял на ногах» [10, с. 180] это улучшение означает принятие всеми участниками политического процесса стратегии, которая направлена на такое улучшение во всеобщих интересах, при котором не только не будет происходить ухудшения положения каких-либо акторов, но и изменение обязательно будет в их интересах.
4. Универсализм совместимости, который означает, что универсальными могут быть только те ценности, которые фигурируют в отношениях людей друг с другом.

Как можно видеть, предложенные Чжао основополагающие принципы мирополитической системы значительно отличаются от традиционных оснований западной политической модели. Следует отметить, что работа Чжао вызвала серьёзный интерес в китайском академическом сообществе, что обусловило возникновение многих других основанных на переосмыслении *Тянься* концепций [\[24\]](#).

Конечно, китайская политическая мысль не ограничивается только этими двумя направлениями (многие китайские международники вообще не обращаются к классическому китайскому наследию). Тем не менее, эти направления пользуются значительной популярностью и, что важнее для целей настоящей статьи, во многом соответствуют общим тенденциям в становлении незападной ТМО.

Проблема соотношения западной и незападных ТМО

Китайская ТМО является далеко не единственным ответом глобального Юга на дикурсивную и эпистемическую доминацию западной мысли. Аутентичные ТМО появляются и во многих других незападных странах. Кроме того, многие западные исследователи-международники также заявляют о необходимости большей инклюзивности западной ТМО или даже её радикального переосмысления с незападных позиций. Тем не менее, проблема соотношения западной и незападных теорий международных отношений во многом остаётся нерешённой.

Во-первых, если западная теория международных отношений не может объяснить какие-либо явления в незападных контекстах, это не означает, что для их объяснения необходима незападная теория. Как и другие науки, теория международных отношений развивается постепенно, через выдвижение гипотез и их верификацию на различном материале. Соответственно, для объяснения специфики незападных политических процессов западной теории международных отношений просто нужно больше внимания уделить незападному материалу, привлекать его для корректировки западных гипотез. Как отмечает А. Воскресенский, во всё более усложняющемся международном взаимодействии нужны новые методы глобального управления, а не «заявления о том, что наш мир трещит по швам, и для того, чтобы осознать это, нам нужно заместить западную ТМО её незападными вариантами» [\[43, с. 1\]](#)

Во-вторых, какова объяснительная сила незападных теорий международных отношений? Если они объясняют только тот контекст, в котором зародились, но при этом не могут объяснить политические процессы в других регионах, то это фактически равнозначно заявлению о том, что народы в конкретном регионе земного шара радикально отличаются от других народов в других регионах в своих практиках, что звучит крайне эссенциалистски. Если же незападные теории претендуют на универсальное объяснение политических процессов по всему миру, то их сторонникам предстоит колоссальная работа по реструктурированию ТМО, и не факт, что они готовы проводить такую работу.

Эти и многие другие подобные вопросы отразились в ряде подходов к незападным теориям международных отношений. Один из наиболее влиятельных проектов – концепция «глобальных международных отношений», предложенная А. Ачарией и Б. Бузаном. На их взгляд, необходимо интегрировать в западную теорию международных отношений незападные концепты и методы и с их помощью переосмыслить первую в более широком историко-культурном контексте [\[21\]](#). У этого проекта появилось множество последователей, хотя Ачария и Бузан признают, что влияние глобальных МО на мейнстримную западную теорию международных отношений всё ещё весьма

ограничено [\[22\]](#).

Одним из важных компонентов глобальных МО является идея о «региональных мирах» (regional worlds). Ярким примером этой идеи служит концепция мультиплексного мира (multiplex world). Ачария сравнивает мир с кинотеатром, под одной крышей которого есть несколько залов, где идут различные фильмы, и зритель может выбрать любой из них [\[20\]](#). Точно так же и в современных международных отношениях во многих регионах начинают возникать такие порядки, которые черпают вдохновение из традиционных политических культур стран этих регионов.

На первый взгляд подход в духе глобальных МО вполне отвечает веяниям времени, а также соответствует современной китайской дискурсивной стратегии. Тем не менее, он проблематичен по ряду причин. Во-первых, довольно часто как западные, так и незападные исследователи, желая преодолеть колониальные стереотипы об отсталости незападных традиций, при разработке своих концепций воспроизводят иные стереотипы и точно так же эссенциализируют незападные культуры (например, сводят китайскую культуру к конфуцианству, а конфуцианство к гармонии) [\[39\]](#).

Во-вторых, более фундаментальная, проблема заключается в том, что в рамках глобальных МО и прочих проектов, посвящённых повышению инклюзивности западной ТМО, исследования проводятся в концептуальных рамках определённой эпистемической культуры. Другими словами, хотя в кинотеатре А. Ачарьи есть залы и фильмы почти на любой вкус, что нам известно о самом кинотеатре, принципах его работы и его владельцах? Кем сняты предложенные для просмотра фильмы? На каком языке они демонстрируются? Можем ли мы выбрать для просмотра фильм не из предложенного нам списка? Для того, чтобы лучше понять суть этой проблемы, необходимо обратиться к деколониальной критике западной ТМО.

Критика колониального дома международных отношений

Специфика деколониального/постколониального [\[4\]](#) подхода к международным отношениям ярко выражена в предложенной А. Агафангелу и Л. Линг [\[23\]](#) метафоре «колониального дома», при помощи которой ёмко описываются властные отношения, царящие внутри дисциплины.

Самое почетное место в этом колониальном имении занимает супружеская пара – реализм и либерализм, которые, несмотря не все их видимые противоречия, на деле исходят из во многом схожих предпосылок и прекрасно дополняют друг друга. Реализм осуществляет контроль над домом при помощи силы, в то время как либерализм использует другой рычаг – интерес. При этом они давно поняли, что сила и экономический интерес тесно взаимосвязаны, в связи с чем выстраивают единую властную инфраструктуру, предназначенную лишь для удовлетворения appetites западной политической элиты.

Вместе с реализмом и либерализмом в доме проживают их послушные отпрыски: неолиберализм, либеральный феминизм, позиционный феминизм (феминистская эпистемология), а также наследник – неореализм. Неолиберализм развивает идеи своих родителей, «превращая реалистскую теорию гегемонистской стабильности в удобное для использования пособие для управления над счастливыми потребителями» [\[23, с. 52\]](#). В союзе со своими сёстрами-феминистками неолиберализм предоставляет политическую и дискурсивную власть белым богатым западным женщинам, которые пропагандируют либеральные практики как средство эмансипации и вместе с тем, выступая от лица

женщин всего мира, заглушают голоса гораздо менее привилегированных женщин глобального Юга, тем самым воспроизводя и закрепляя существующие властные практики и отношения. Неореализм, плод внебрачной связи между реализмом и экономикой, хозяйкой дома по соседству, озабочен лишь собственным статусом в иерархии, из-за чего с большим подозрением относится к остальным членам семьи МО и готов пойти на что угодно для сохранения своего доминантного положения.

Ко второй группе обитателей дома относятся сыновья и дочери, находящиеся в немилости у реализма и либерализма из-за своего бунтарства. Это марксизм, грамшианская политическая экономия, постмодернизм и конструктивизм, а также «падшие дочери»: постмодернистский феминизм и квир-теория. Все они пытаются побороть своих родителей с помощью критической теории, но при этом схожи с ним в том, что полагаются исключительно на западную интеллектуальную традицию в лице критической теории.

К третьей группе обитателей дома относится прислуга – регионоведение и сравнительная политология. Прислужой они являются в том смысле, что их основная функция – сбор этнографического материала, на основе которого их хозяева могут заниматься теоретизированием, высокой политикой. Другими словами, в рамках этих областей происходит инструментализация и объективация представителей незападных культур: они всегда выступают лишь в виде информантов, объектов исследования, а не субъектов. В то же время они, пользуясь своим служебным положением, могут периодически тайно запускать в колониальный дом любовников владельцев имения или их незаконнорождённых детей (например, азиатский капитализм, который возник в результате тайной связи между либерализмом и конфуцианством и неоднократно пытался продемонстрировать владельцам колониального имения свою привлекательность до тех пор, пока Азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг. не разрушил его планы).

Наконец, снаружи дома находятся те, кто выступает против существующей в нём системы. Это критики ориентализма, постколониальная ТМО, а также предлагаемый А. Агафангелу и Л. Линг «миризм» (worldism). С их точки зрения, кинотеатр А. Ачарьи расположен внутри колониального дома, и все желающие попасть на сеанс должны либо получить приглашение хозяев имения, либо проникнуть в дом тайком. Тем не менее, все такие гости всегда отдаются на милость хозяев, которые обладают полной властью над имением МО. В связи с этим представители этих подходов выступают против самой структуры власти, воплощённой в колониальном доме, и навязанных ей идентичностей.

Какова же деколониальная альтернатива западной ТМО и глобальным МО? В целом деколониализм сближается с глобальными МО в рамках концепции «глобальных миров». В то же время оптика исследования этих миров во многом отличается. Так, Э. Вирамонтес выделяет следующие четыре критерия деколониальной теории международных отношений: (1) она скептически относится к тезису о необходимости поиска всеобщего универсального знания и вместо этого стремится осмыслить «плюриверсум»; (2) она отрицает позитивистский объективизм и стоит на позициях постпозитивизма и непозитивизма; (3) она стремится расширить понятие международного через проблематизацию онтологии национальных государств; (4) она ставит целью преодолеть дихотомию «Я-Другой» через деэзотизацию незападных культур и экзотизацию западных [\[42\]](#). Вместе с тем важнейшая проблема деколониализма/постколониализма заключается в том, что его крайне трудно транслировать в политическую практику, что во многом обусловлено его антивластной позицией. В целом деколониальный подход может влиять на политическую реальность

либо через академические практики (переосмысление методологических оснований исследований в общественных науках, идентификация проблемных мест в существующих властных отношениях), либо через деятельность активистских групп (в первую очередь этнических меньшинств).

Всё сказанное не означает, что глобальные МО и деколониальный подход невозможно примирить. В последние годы в западном академическом сообществе развернулась дискуссия [\[45\]](#), в рамках которой сторонники первого подхода признали существующие в нём проблематичные моменты и наметили основные пути сближения двух подходов. Тем не менее, на пути к этому всё ещё остаётся множество препятствий.

На основе анализа двух подходов к конструированию незападной ТМО можно проблематизировать концепцию дискурсивной силы в контексте её эпистемических оснований.

Ловушка дискурсивной силы

И.Ю. Зуенко и И.Е. Денисов считают, что на современном этапе Запад попал в «ловушку Ная» (или «ловушку мягкой силы»). По мнению исследователей, суть этой ловушки состоит в следующем: Запад считает, что Китай в силу авторитарности своего режима не способен эффективно проецировать мягкую силу, и что Пекин добивается расширения своего влияния фактически лишь через подкуп других стран [\[7\]](#). Эмпирические исследования же подтверждают, что Китай довольно эффективно продвигает на международной арене идею о том, что китайское авторитарное правительство справляется с современными социополитическими и экономическими вызовами гораздо эффективнее, чем демократические режимы [\[34\]](#).

В то же время, на наш взгляд, сам Китай рискует попасть в то, что можно назвать «ловушкой дискурсивной силы». Пытаясь противостоять западному дискурсу, концептуализирующему Китай как угрозу региональному и глобальному порядку, Пекин может выбрать одну из нескольких стратегий.

Во-первых, Китай может контратаковать западные страны с дискурсивных позиций защитника классического варианта Вестфальской системы МО, при этом никак не обращаясь к своему интеллектуальному наследию. Такой подход едва ли решает проблемы Китая, поскольку предоставляет крайне ограниченное пространство для маневра. Конечно, Пекин может эксплуатировать негативно воспринимаемые другими странами действия Запада (нарушения суверенитета стран глобального Юга), чтобы заработать «дискурсивные очки», но в рамках вестфальского дискурса (пусть даже и адаптированного к современным реалиям) он не сможет опровергнуть тезис о том, что является угрозой. Едва ли он сможет представить в позитивном свете и те свои международные практики, которые регулярно подвергаются критике (дипломатия «долговой ловушки», сотрудничество с режимами, обвиняемыми в масштабных нарушениях прав человека). Объясняется это тем, что при использовании западной политической оптики позитивные на первый взгляд практики Китая и предлагаемые им внешнеполитические концепты, нацеленные на создание гармоничного мира, будут восприниматься как замаскированное стремление Пекина максимизировать своё влияние. В то же время более фундаментальная проблема этого подхода заключается в том, что такой стратегией Китай легитимирует те властные практики и дискурсы, на которых и строится западная политическая модель.

Вторая стратегия заключается в том, чтобы сконструировать своеобразный вестфальский

дискурс с китайской спецификой. На наш взгляд, это та стратегия, которой придерживается современное китайское руководство. При таком подходе у Китая уже гораздо больше возможностей как для защиты своих интересов, так и для атаки западных нарративов, поскольку через обращение к эпизодам из своей истории Пекин может доказать, что законы западной ТМО далеко не универсальны и не всегда могут объяснять действия КНР на международной арене.

Одна из проблем с таким подходом заключается в том, что далеко не всегда Китаю удаётся донести до международной аудитории своё послание. Ярким примером здесь служит известный завет Дэн Сяопина «держатся в тени, стараясь ничем не проявлять себя» (*таогуан янхуэй* 韬光养晦). Во многом эта внешнеполитическая стратегия являлась прямым продолжением курса на независимую мирную внешнюю политику с поправкой на геополитические изменения (распад СССР) и означала создание благоприятной внешней среды для развития китайской экономики. Но, как отмечает В.Я. Портяков, в начале XXI в. на Западе предпринимались попытки «использовать многоплановость некоторых высказываний Дэна... для обоснования различных модификаций "теории китайской угрозы"» [\[16, с. 4\]](#), в связи с чем в этом заявлении китайского лидера увидели намерение КНР отомстить за «столетие унижений». Очевидно, что во многом США уже тогда относились к Китаю с предвзятостью. Тем не менее, едва ли в этом случае помогло то, что в китайской культуре это выражение впервые появилось для описания действий танского правителя Сюань-цзуна (годы правления: 846-859), который, будучи принцем, долгое время притворялся простаком, чтобы не пострадать в дворцовых интригах, а, усыпив бдительность интриганов-евнухов, пришёл к власти и расправился со всеми своими политическими противниками.

Особенно насторожено относятся к обращению Китая к своей истории и культуре его соседи, отношения с которыми исторически складывались очень по-разному, но практически всегда концептуализировались в формате «даннической системы».

Кроме того, далеко не всегда Китай может подобрать такие методы для противостояния Западу, которые при этом не сказывались бы негативно на его образе среди незападных стран. Так, один из наиболее часто обсуждаемых способов реализации Китаем дискурсивной силы – «дипломатия воинов-волков» (*чжань лан вайцзяо* 战狼外交) – сводится к тому, что, пытаясь найти адекватный ответ на усиливающуюся критику со стороны Запада, Китай начинает прибегать к агрессивной риторике. Это вызывает сомнения относительно истинных намерений Пекина не только на Западе, но и в странах глобального Юга [\[35\]](#).

Третья стратегия – сконструировать радикально иной дискурс, в котором бы переосмыслились сами основания западной ТМО. На первый взгляд кажется, что примером такой стратегии является концепция Чжао Тинъяна. Тем не менее, проблема здесь заключается в том, что Чжао, отказываясь строить свою модель на поле западного дискурса, во многом романтизирует политические практики имперского Китая. При этом Чжао игнорирует вопросы восприятия этой модели как соседями Китая, так и проживающими на его территории неханьскими народностями, тем самым затушёвывая её этноцентризм и империализм [\[27\]](#).

Во многом проблема тут заключается в том, что, как верно отметил Е.Н. Грачиков, современному Китаю присуща «дихотомия идентичности» [\[4, с. 196\]](#). В то же время, на наш взгляд, дихотомия эта заключается не в поиске ответа на вопрос, является ли КНР развитой или развивающейся державой, сколько в проблеме репрезентации.

Идентифицирует ли Китай себя как великую державу или же как защитника глобального Юга? Корнями эта дихотомия уходит в 50-е гг. XX века, когда КНР одновременно примеряла две идентичности: важного участника социалистического блока и одного из лидеров движения неприсоединения. Первая идентичность предполагала участие в довольно традиционном для западной политической практики противостоянии великих держав (хоть и концептуализированном в терминах марксистской философии). Вторая же идентичность хоть и строилась во многом путём бриколажа, через заимствование элементов западной политической теории, но всё же предполагала противостояние не только двум сверхдержавам, но и оппонирование самому западному дискурсу о власти как о высшей ценности международных отношений. Китай в итоге выбрал первую идентичность, хотя зачастую прибегал к риторике, которая была бы более характерна для второй идентичности. Тем не менее, на современном этапе международных отношений, став гораздо более мощным государством, Китай снова во многом стоит перед тем же выбором: разделить ли мир в формате G2 или же отказаться от фетишизации власти и попытаться вырваться из порочного круга реалполитик. КНР, конечно, может пытаться балансировать между этими двумя идентичностями (на дискурсивном уровне это, в частности, проявляется в одновременном существовании китайских политических концептов наподобие «нового типа отношений между великими державами» и «сообщества единой судьбы»), в чём ему могут помочь экономические инструменты, но такая попытка сидеть между двух стульев с течением времени будет вызывать всё больше вопросов у народов глобального Юга.

Таким образом, ловушка дискурсивной силы заключается в том, что Китай, пытаясь накопить дискурсивную силу для того, чтобы противостоять западной дискурсивной агрессии, начинает интернализировать присущие западной политической модели властные структуры и нарративы или романтизировать альтернативные им системы воспроизводства власти имперского Китая. В этом как противники Китая, так и страны глобального Юга начинают видеть подтверждение своих опасений о гегемонистских/империалистских амбициях Пекина. Таким образом, пытаясь максимизировать свою дискурсивную силу в рамках преимущественно западной эпистемической культуры, Китай в итоге оказывается в менее выгодном стратегическом положении, чем был изначально.

Каковы же пути выхода из дискурсивной ловушки? Лёгких рецептов тут нет, особенно учитывая то, что Пекин в своём внешнеполитическом курсе во многом вынужден считаться с сильными националистическими настроениями своего населения, которые сам же долго и подогревал. В целом, однако, можно наметить следующие пути:

- 1 . Повышение внимания китайского академического сообщества к критическим, деколониальным и постколониальным теориям в различных общественных науках и в ТМО в частности.
- 2 . Создание альтернативных западным моделям мирополитического устройства и вовлечение их в диалог с моделями других стран глобального Юга, а также критическое переосмысление уже существующих китайских моделей с учётом оптики неханьских народностей и стран, ранее входивших в китайскую данническую систему.
- 3 . Развитие кооперации в рамках глобального Юга и отказ от сомнительных практик, нацеленных на установление китайского контроля (отстаивание «девятипунктирной линии» в Южно-Китайском море, создание инфраструктуры в Африке для выкачивания ресурсов и т.д.), попытка достигнуть компромисса на основе ограниченного отказа от идеи суверенитета (например, отказа от принципа, согласно которому даже при

совместном освоении ресурсов в Южно-Китайском море суверенитет Китая простирается на спорные территории).

4. Переключение внимания Китая с противостояния США на сотрудничество со странами глобального Юга.

Безусловно, эти принципы нелегко воплотить в жизнь, особенно с учётом западного давления на Китай. Но у Пекина безусловно есть возможность попытаться побороть дракона, который вечно возрождался как в западных, так и в китайских империалистических дискурсах.

[11] Противопоставление «порядка, основанного на правилах» и «порядка, основанного на верховенстве права» несколько искусственно хотя бы потому, что верховенство права во многом точно такое же основополагающее правило. Конечно, зачастую под первым понимаются международные нормы в трактовке США, а под вторым – положения, зафиксированные в различных международных документах. Тем не менее, такое понимание довольно проблематично. Во-первых, далеко не все страны придерживаются этой трактовки, и существует довольно значительная вариативность во вкладываемых в этот термин смыслах [3]. Во-вторых, как убедительно показывает А. Джонстон, едва ли можно говорить о некоем едином «порядке, основанном на правилах» - в реальности скорее существует множество подобных «порядков», функционирующих на разных уровнях и касающихся разных сфер (институциональной, военной, социального развития, международной торговли и т.д.). В связи с этим одна и та же страна может по-разному оценивать правила, существующие в различных порядках, и иметь различную степень вовлечённости в артикуляцию правил разных порядков [30].

[2] Эта концепция восходит к работам М. Фуко – прежде всего к эссе «Порядок дискурса» [18] – которые современный китайский истеблишмент довольно радикально реинтерпретировал. В то же время концепция дискурсивной силы имеет много общего и с грамшианской идеей культурной гегемонии (подробнее об этой идее и её современной релевантности см. [8]).

[3] Так, в пресс-релизе по результатам встречи между Си Цзиньпином и делегацией американских сенаторов в октябре 2023 г. отмечается: «китайская сторона всегда считала, что в американо-китайских отношениях общие интересы значительно перевешивают разногласия, и успехи одной стороны – это не вызовы, а возможности для другой стороны. Ловушка Фукидида вовсе не неотвратима» [17].

[4] Во многом позиции представителей деколониального и постколониального подходов схожи. В то же время, по мнению И.Д. Лошкарёва [15], есть две основные логики/стратегии в рамках этого подхода. Первая из них – бифокальность, предполагающая идентификацию и деконструкцию существующих властных отношений, а также создание «альтернативной восточной повестки» (эту стратегию можно назвать «постколониализмом различия»). Вторая стратегия подразумевает отказ от логики противопоставления Запада и Востока и акцент на поисках точек соприкосновения между западными и незападными традициями («постколониализм взаимозависимости»). В целом первую стратегию можно идентифицировать с деколониальным подходом, а вторую – с постколониальным. При этом, как отмечает А. Эльмурадов, «постколониальная теория в узком смысле чаще всего воспринимается как отражение типичного для европейской современности дуализма, тем самым воспроизводя состояние

эпистемологической колониальности» [19, с. 25].

Библиография

1. Алексеев Е.С. Дискурсивная сила КНР против нормативной силы ЕС: казус Италии // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С. 62-72. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72>
2. Вэнь Цюфан. Сюэшу гоцзи хуаюйцюань чжун дэ юйяньцюань вэньти [Вопрос о роли языка в международной академической дискурсивной силе] // Юйянь чжаньлюэ яньцзю [Исследования языковой стратегии]. 2021. № 6. С. 76-85.
3. Вылегжанин А.Н., Нефедов Б.И., Воронин Е.Р., Магомедова О.С., Зотова П.К. Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 35-60. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-35-60>
4. Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187-200. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>
5. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США-КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210-231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>
6. Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 42-52. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047>
7. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологиемы внешней политики КНР. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2022.
8. Ерохов И.А. Грамшианская теория гегемонии в перспективе современной социально-политической критики // Политико-философский ежегодник. 2008. Т. 20. № 8. С. 71-87.
9. Конопов А.С. Цифровая технократия и дискурсивная сила китайского государства: политико-правовой аспект // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. Т. 9. № 2. С. 65-71. <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-2-7>
10. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / под ред. Л.С. Переломова. М.: Восточная литература РАН, 2004.
11. Коростиков М.Ю. Динамика внешней политики КНР через призму национальных интересов // Сравнительная политика. 2016. № 4. С. 108-126. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-108-126](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-108-126)
12. Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 11. С. 76-84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>
13. Кузнецов А.М. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы теории международных отношений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2013. Т. 15. № 2. С. 21-40.
14. Ломанов А.В. Цзинь и Чу вместо Афин и Спарты // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 127-132.
15. Лошкарёв И.Д. Постколониализм в международных исследованиях: два лика теории

- // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 659-670. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-659-670>
16. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015.
 17. Си Цзиньпин хуэйцзянь Мэйго гохуэй цаньиюань дошудан линсю Шумо исин [Си Цзиньпин встретился с делегацией лидера большинства в американском Сенате Чака Шумера] // МИД КНР. 9 октября 2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202310/t20231009_11158283.shtml (дата обращения: 21.10.2023)
 18. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 47-96.
 19. Эльмурадов А. Постколониальная/деколониальная критика и теория международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 3. С. 23-38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-23-38>
 20. Acharya A. After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // *Ethics & international affairs*. 2017. Vol. 31. № 3. Pp. 271-285. <https://doi.org/10.1017/s089267941700020x>
 21. Acharya A. Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. № 4. Pp. 647-659. <https://doi.org/10.1111/isqu.12171>
 22. Acharya A., Buzan B. Why is there no Non-Western International Relations Theory? Ten years on // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2017. Vol. 17. № 3. Pp. 341-370. <https://doi.org/10.1093/irap/lcx006>
 23. Agathangelou A.M., Ling L.H.M. *Transforming World Politics: From Empire to Multiple Worlds*. New York: Routledge, 2009.
 24. Babones S. From Tianxia to Tianxia: The Generalization of a Concept // *Chinese Political Science Review*. 2020. Vol. 5. № 2. Pp. 131-147. <https://doi.org/10.1007/s41111-019-00139-9>
 25. Bauder H., Mueller R. Westphalian Vs. Indigenous Sovereignty: Challenging Colonial Territorial Governance // *Geopolitics*. 2023. Vol. 28. № 1. Pp. 156-173. <https://doi.org/10.1080/14650045.2021.1920577>
 26. Behuria A.K. How Sri Lanka walked into a debt trap, and the way out // *Strategic Analysis*. – 2018. Vol. 42. № 2. Pp. 168-178. <https://doi.org/10.1080/09700161.2018.1439327>
 27. Chu S. Whither Chinese IR? The Sinocentric subject and the paradox of Tianxia-ism // *International Theory*. 2020. Vol. 14. № 1. Pp. 57-87. <https://doi.org/10.1017/S1752971920000214>
 28. Freyberg-Inan A. *What Moves Man: The Realist Theory of International Relations and Its Judgment of Human Nature*. New York: SUNY Press, 2004.
 29. Hobson J.M. Un-veiling the Racist Foundations of Modern Realist and Liberal IR Theory // *Globalizing International Theory: The Problem with Western IR Theory and How to Overcome It* / Ed. by A. Layug, J.M. Hobson. New York: Routledge, 2023. Pp. 54-71.
 30. Johnston A.I. China in a World of Orders: Rethinking Compliance and Challenge in Beijing's International Relations // *International Security*. 2019. Vol. 44. № 2. Pp. 9-60. https://doi.org/10.1162/isec_a_00360
 31. Joint statement of 69 countries at the Interactive Dialogue on High Commissioner's

- annual report at the 47th session of the Human Rights Council // Permanent Mission of the People's Republic of China to the United Nations Office at Geneva and Other International Organizations in Switzerland. 2021. URL: http://geneva.china-mission.gov.cn/eng/dbdt/202106/t20210624_9103595.htm (дата обращения: 21.10.2023)
32. Kinyondo A. Is China Recolonizing Africa? Some Views from Tanzania // *World Affairs*. 2019. Vol. 182. № 2. Pp. 128-164. <https://doi.org/10.1177/0043820019839331>
 33. Kristensen P.M., Tickner A.B. Beyond a 'More International' International Relations // *Globalizing International Theory: The Problem with Western IR Theory and How to Overcome It* / ed. by A. Layug, J.M. Hobson. New York: Routledge, 2023. Pp. 33-53.
 34. Mattingly D. et al. Chinese State Media Persuades a Global Audience That the "China Model" is Superior: Evidence from A 19-Country Experiment. 2023. URL: <https://files.osf.io/v1/resources/5cafd/providers/osfstorage/6307c019f706821e8cfa31fd?action=download&direct&version=3> (дата обращения: 21.10.2023)
 35. Mattingly D.C., Sundquist J. When does public diplomacy work? Evidence from China's "wolf warrior" diplomats // *Political Science Research and Methods*. 2023. Vol. 11. № 4. Pp. 921-929. <https://doi.org/10.1017/psrm.2022.41>
 36. Mignolo W. The Colonial Matrix of Power // *Talking About Global Inequality: Personal Experiences and Historical Perspectives* / ed. by Christian Olaf Christiansen, Mélanie Lindbjerg Machado-Guichon, Sofía Mercader, Oliver Bugge Hunt, Priyanka Jha. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. Pp. 39-46.
 37. Murphy D. China's Rise in the Global South: The Middle East, Africa and Beijing's Alternative World Order. Stanford University Press, 2022.
 38. Nearly 100 countries publicly express support for China on Xinjiang-related issues: Chinese FM // *Global Times*. September 21, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1298584.shtml> (дата обращения: 25.10.2023)
 39. Perez Mena F. The Trap of Diversity: What Constitutes 'Non-Western IR Theory'? // *E-International Relations*. 2020. URL: <https://www.e-ir.info/2020/05/08/the-trap-of-diversity-what-constitutes-non-western-ir-theory/> (дата обращения: 25.10.2023)
 40. Sekin H.K.A. Arab States And The Unrest In China's Xinjiang Province // *World Affairs: The Journal of International Issues*. 2015. Vol. 19. № 3. Pp. 118-133. <https://doi.org/10.2307/48505459>
 41. Shih Chih-yu. The Plausible Asian Schools of International Relations: Hypothesizing Non-Interventionism // *Sovereignty and Humanitarian Intervention in the International Society of East Asia-Historical Legacies and New Dynamics*. 2010. URL: https://www.uni-heidelberg.de/md/zo/sino/research/2009_shih_chih-yu_east_asian_ir.pdf (дата обращения: 25.10.2023)
 42. Viramontes E. Questioning the quest for Pluralism: How Decolonial is Non-Western IR? // *Alternatives: Global, Local, Political*. 2022. Vol. 47. № 1. Pp. 45-63. <https://doi.org/10.1177/03043754211064545>
 43. Voskressenski A. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Cham: Palgrave Macmillan, 2017.
 44. Walt S. China Wants a 'Rules-Based International Order,' Too // *Foreign Policy*. March 31, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/03/31/china-wants-a-rules-based-international-order-too/> (дата обращения: 02.11.2023)
 45. Witt A. et al. How to Problematize the Global? // *Millennium: Journal of International Studies*. – 2022. Vol. 51. № 1. Pp. 33-80. <https://doi.org/10.1177/03058298221139330>

46. Wu W. China's Position towards UN Security Council Reform: Balancing Legitimacy and Efficiency // Strategic Analysis. 2020. Vol. 44. № 5. Pp. 502-509.
<https://doi.org/10.1080/09700161.2020.1824453>
47. Zhao T. All Under Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order / translated by Joseph E. Harroff. Oakland: University of California Press, 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена современной системе международных отношений, в которой присутствует дисбаланс между действующими глобальными институтами и структурами западного толка и региональными институтами, которые обретают все больший удельный вес в международной политике и мировой экономике.

Основным предметом статьи выступает политика стран глобального юга, в частности Китая, в сфере противодействия гегемонии США и Западного мира в системе международных отношений. Автором рассматриваются как нормативные аспекты такой политики, так и конкретные меры, а также процессы, осуществляемые в глобальном пространстве посредством различных международных институтов.

Статья сопровождается обстоятельным введением, которое подводит к определению дискурсивной силы в международной политике, которой стремятся обладать развивающиеся страны. Вместе с этим термином автор вводит в оборот и понятие эпистемической силы, которая связана с управлением интерпретацией глобальной повестки, производством знания. Целью исследования при этом является: "рассмотреть дискурсивную силу в контексте поиска Китаем своей политической идентичности и отражения этих поисков в теоретических построениях китайской школы МО". Представленное исследование носит фундаментальный теоретический характер и является собой значительный вклад в современные дискуссии о современных теориях международных отношений. Данный тезис подтверждается в том числе обилием научной литературы и источников, используемых в работе. Вместе с тем, автору следовало бы в большей степени усилить методологическую составляющую исследования, описать более четко объектно-предметную область и задачи исследования – это позволит артикулировать выводы и их значимость для современной международной политики и релевантной ей теории. Тем не менее, не вызывает сомнений тот факт, что данная статья представляет довольно значимый интерес для читательской аудитории журнала «Мировая политика». Она написана на хорошем научном языке и опирается на достаточно весомые научно-методологический и концептуальный инструментарий. Структура статьи выполнена в соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям в изданиях Nota Bene и содержит деление на тематические подзаголовки, что делает удобным восприятие читателем исследовательского материала. Усилить направление исследований, обозначенных автором в рамках данной публикации, могли бы статистические отчеты и данные международных институтов, которые бы подтвердили некоторые гипотезы и теоретические постулаты «колониального» и «деколониального» подходов стран запада и незападного мира к выстраиванию эффективного международного взаимодействия и продвижения собственных национальных и региональных интересов на мировой арене. Отдельно могли бы быть проанализированы действующие военные доктрины и стратегии национальной безопасности Китая и США с точки зрения выше обозначенных подходов. Статья может быть рекомендована к

публикации без внесения каких-либо значительных исправлений.